

УДК 316.33
ББК 87.632

СТРАТЕГИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ¹

Д.А. Аникин

В статье рассматриваются основные стратегии политики памяти в российских регионах, анализируются предпосылки их становления в контексте общероссийских социальных и мировоззренческих трансформаций. Автор разрабатывает методику прикладных исследований по анализу визуальных и вербальных репрезентаций образов прошлого в региональном аспекте.

Ключевые слова: политика памяти, визуальные и вербальные репрезентации, образ прошлого, режим историчности.

Современная эпоха, делающая прошлое чуть ли не ключевым пунктом, причиной тотальных расхождений, точкой бифуркации для многочисленных «расходящихся тропок» национальных интерпретаций, ставит вопрос об изменении самого характера взаимоотношений между настоящим и прошлым, между прошлым и будущим. Эта ситуация по-разному характеризуется современными исследователями. Кроме общей фразы о «кризисе исторического знания», которая красным пунктиром проходила через работы теоретиков в уже в 80-ые годы, в конце XX века были сформулированы исследовательские позиции, пытающиеся объяснить изменение устоявшихся исторических нарративов [8, с. 25–26].

Х.-У. Гумбрехт указывает на изменение хронотопов в историческом знании. С его точки зрения кризису подвергается не сама идея Прошлого как таковая, а то ее преломление, которое было сформировано в европейской культуре начала XIX века и было известно под названием «историзма» [4, с. 14]. Историзм, по сути, всегда рассматривал прошлое как нечто, принципиально несхожее с настоящим и только в силу своей несхожести могущее быть подвергнуто исследованию и осмыслению. «Приверженцы историзма могут ценить воспоминания очевидцев, однако эти очевид-

цы не могут быть для них ни коллегами, ни тем более конкурентами» [4, с. 15]. Но такое отношение представляется не единственно возможным соотношением прошлого и настоящего, а лишь одним из вариантов, поэтому ничего удивительного, как отмечает Х.-У. Гумбрехт, нет в том, что в современном мире появляются другие способы обращения к прошлому, например, «катарсис», «искупление» или «откровения». Ввиду исчезновения онтологической лакуны между прошлым и настоящим становится возможным возникновение странного, на первый взгляд, неологизма «современная история», который означает одну простую вещь – история все в большей степени становится частью настоящего.

Другой вариант объяснения природы исторического кризиса был предложен французским исследователем Ф. Артогом [3, с. 26]. Он вводит понятие «режим историчности», подразумевая под ним способ соединения прошлого, настоящего и будущего в единую мировоззренческую конструкцию. Таких режимов, с точки зрения Ф. Артога, существует всего несколько – старый режим, новый режим и только зарождающийся режим, который можно назвать презентистским (отдельно Ф. Артог говорит еще о христианском режиме историчности, не соотнося его напрямую ни с одним из вышеперечисленных). Старый режим, свойственный традиционным обществам, исходил из понимания прошлого как стандарта, в соответствии с

которым развивается настоящее и к которому оно отсылает в каждом своем деянии (идея «Золотого века»). В XVIII в. идея прогресса приводит к ускорению времени, которое начинает ориентироваться уже не прошедшее, а на будущее, события из стандартизированных становятся уникальными, направленными на что-то новое. Соответственно, в современном обществе происходит не кризис исторического знания, а смена режимов историчности, только теперь на смену «новому режиму» появляется презентистский режим. Презентизм проявляется в отсутствии детерминации будущим или прошлым, а в констатации «вечного настоящего», в котором создаваемые обычаи или формы идентичности воспринимаются как всегда существующие, но при этом они могут легко сменяться другими, не менее «вечными».

Онтологическую интерпретацию ситуации в историческом знании, характеризующейся переходом от собственно исторического процесса к формам его репрезентации в настоящем, предложил А.В. Дахин [5, с. 52]. Он утверждает, что проблематизация памяти заставляет по-новому обратиться к онтологическим вопросам временности и историчности, поставленным в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. С такой точки зрения, прошлое превращается из вечного и неизменного сущего в ретроспективное отображение бытия сущностей. «Тезис, в рамках которого такая концептуализация даёт системное решение, состоит в том, что память образует сущность предмета/мира предметов, а структуры исторического памятования – это формы бытия сущности, которые выражают самотождественность предмета/мира предметов и которые изменяются, развиваются в ходе глобальной эволюции, порождая глобальную дифференциацию вселенной на мир неживой природы, мир живой природы и мир людей, каждый из которых обладает специфическими структурами исторического бытия-памятования» [5, с. 53]. Иначе говоря, память всегда онтологична, поскольку ее работа всегда обнаруживает некий объект, к которому она относится, и именно памятование как процесс обеспечивает возможность неразрывной связи предмета или явления с предшествующими формами их существования.

Ноуменальная природа истории подразумевает единственную возможность ее изучения посредством анализа последовательности ее феноменальных репрезентаций, плоских «срезов» исторического процесса. На смену хронологии истории приходит топология социальной и исторической памяти, определяющая новые методологические принципы, систему категорий и предмет исследований для новых поколений историков, философов и других представителей гуманитарных дисциплин [2, с. 20–21]. Изучение политики памяти как одного из наиболее существенных направлений «memorystudies», претендующих в начале XXI века на звание новой парадигмы в гуманитарных науках, является задачей междисциплинарного исследования.

Топологическое понимание социальной памяти исходит из точки зрения, согласно которой образ прошлого предстает в качестве коллективного конструкта, параметры которого задаются властными отношениями в социуме – отношениями между различными уровнями власти, между региональными элитами и федеральной властью, между всеми акторами социального и политического пространства российского социума. Использование образов прошлого в качестве властного ресурса, используемого для легитимации существующего порядка вещей или для обоснования претензий на изменение политического порядка, заставляет говорить о существовании **политики памяти** как отдельного вида политических отношений в современном мире.

По словам А. Дюкова, принципиальна «необходимость разделения терминов «политика памяти» и «историческая политика». Когда 9 мая мы приходим возлагать цветы к Могиле неизвестного солдата – это тоже политика памяти, одновременно индивидуальная (поскольку мы совершаем это по зову сердца) и коллективная (поскольку цветы возлагаем не мы одни)... Политические манипуляции начинаются при попытке замены национальной идентичности, при попытке создания новых пантеонов жертв и героев» [6]. Такая позиция эмоционально оправдана, но весьма уязвима с философской точки зрения. Политика памяти выходит на передний план тогда, когда современная социальная и политичес-

кая ситуация вызывает потребность в изменении не самого отношения к прошлому, а его отдельных элементов, устаревшими оказываются стратегии интерпретации и ре-актуализации исторических событий. Таким образом, определенный тип памяти начинает поддерживаться и транслироваться с помощью государственных информационных и финансовых ресурсов в том случае, когда вызываемые этой памятью эмоциональные и рациональные ценности оказываются созвучны приоритетам современной национальной политики.

Можно конкретизировать представленные выше суждения следующим образом: *политика памяти* представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных средств. Социокультурное пространство современной России демонстрирует целый набор практик актуализации политики памяти, которые представляется логичным рассматривать системно и взаимосвязано.

Распад Советского Союза послужил катализатором процессов фрагментации и децентрализации социальной памяти. Известная фраза Б.Н. Ельцина о том, что каждая республика может получить суверенитета столько, сколько сможет унести, по сути, означала, что регионы оказались предоставлены сами себе в выборе стратегий репрезентации прошлого, выстраивания новых и трансформации уже существующих стратегий социальной памяти. В такой ситуации российские регионы апробировали индивидуальные способы соотнесения прошлого и настоящего, включения уже привычного опыта исторических репрезентаций в новый социальный и политический контекст, а также появления новых моделей прошлого и этнополитических мифов.

Основными импульсами данных процессов стали взаимодополняющие тенденции вписывания собственной истории в контекст формирующей истории нового государственного образования (Российская Федерация), а также конкуренция с другими регионами за присвоение наиболее рентабельных (в большей степени в политическом, нежели в экономическом значении) исторических сюже-

тов. Поэтому анализ региональной политики памяти в современном российском обществе 1990-х – 2000-х годов должен быть сопряжен с пониманием аналогичных процессов, протекающих на федеральном уровне, поскольку позиционирующее себя в качестве правопреемника Советского Союза новое государство находилось в стадии мучительного самоопределения с базовыми константами своей исторической идентификации.

Следует учитывать, что распад политической и исторической целостности советского общества совпал по времени с глобальными технологическими и коммуникационными трансформациями, приведшими к формированию новых способов репрезентации прошлого, визуализации и интерактивизации социальной памяти.

Память нуждается в визуальной репрезентации для того, чтобы получить «прописку» в сознании граждан, стать неотъемлемым элементом повседневной жизни. Как указывает Ж. Ле Гофф, аналогичным элементом повседневного пространства в средневековом городе был готический собор, который своей монументальностью и иерархичностью воплощал идею «феодальной лестницы», то есть репрезентировал ту идею, которая нашла абстрактное выражение в выстраивании небесной иерархии Августином Блаженным.

П. Штомпка в своей работе соотносит этой свойство повседневности с наступлением эры пост-Гуттенберга, когда «визуальная восприимчивость заменяет или дополняет восприимчивость текстовую. Массовость изображения в нашем окружении приводит к тому, что мы наблюдаем окружающую действительность через призму образных стереотипов» [9, с. 7]. На самый поверхностный взгляд визуальность проявляется в большом количестве рекламных плакатов, постеров, «растяжек», которые заменяют в качестве источника информации текстовую наглядность расклеенных на специальных стендах газет, которые являлись атрибутом советской повседневности в 60–80-е годы XX века. Но это лишь внешний слой, который в какой-то мере вуалирует более глубокую визуальность культурного пространства – повседневную образность, которая оказывается настолько вкраплена в каждодневные действия

или символические практики, что ускользает от рефлектирующего взгляда, прикрываясь очевидностью.

При этом нельзя сказать, что прошлое присутствует в городском пространстве в виде неизменных стандартов, с которыми можно сравнить сиюминутные колебания социального баланса. Наоборот, культурное пространство непрерывно пополняется новыми элементами, репрезентирующими определенные модели престижного поведения за счет вос(создания) социальных практик. Символическая нагруженность этих практик достигается за счет их апелляции к прошлому, история легитимирует диспозицию современного социального пространства, придавая ей монументальность и несокрушимость в глазах обычных городских обитателей. Таким образом, возникает возможность осуществления политических стратегий по отношению к сознанию граждан посредством актуализации тех или иных образов прошлого, их включения в повседневные практики горожан. Визуальный уровень современного социального ландшафта становится пространством политической борьбы, осуществления различных стратегий политики памяти.

В качестве основных стратегий региональной политики памяти в постсоветской России можно обозначить следующие:

1. Реструктуризация советского прошлого;
2. Восстановление «исторической справедливости» (реконструкция досоветских или не-советских образов прошлого);
3. Поиск новых образов прошлого и стратегий их репрезентации.

Реидеологизация советского прошлого привела к пересмотру того исторического наследия, которое считалось определяющим для легитимации советского строя в целом. Прежде всего, переосмыслению подверглись страницы революционного прошлого и утратившие символический смысл фигуры вождей (в том числе, и в буквальном смысле – не случайно, что первыми шагами расставания с советским строем стало избавление от памятников В.И. Ленину и Ф.Э. Дзержинскому). В результате подобных мировоззренческих разрывов сохранили свое символическое значение лишь те события, которые в большей мере соотносились с заслугами народа в целом (или от-

дельных его представителей), нежели с сомнительными, в условиях изменившегося идеологического контекста, достижениями партийных лидеров. Разумеется, в первую очередь речь идет о Великой Отечественной войне. Оставляя в стороне вопрос политической подоплеки мемориализации данного события, подробно изложенный в работах Н.Е. Копосова и Д. Хапаевой [7, с. 90-94]), можно констатировать, что в 60-ые – 80-ые годы эта война становится основополагающей символической фигурой советского общества. Это же значение она сохраняет и в постсоветской России, в том числе и на региональном уровне. Во всех российских регионах продолжают функционировать монументы в память о Великой Отечественной войне, а любые негативные действия по отношению к ним интерпретируются в официальном дискурсе в качестве угрозы идентичности современного российского общества. В этом смысле предельно показательна ситуация с «Бронзовым солдатом» в Эстонии или со взрывом мемориала советским воинам в Грузии. Мамаев курган в Волгоград или памятник «Журавли» сохраняют свое символическое значение уже для новых поколений еще и потому, что оказываются вписаны в социальные практики (например, являются местами, обязательными для посещения во время свадеб).

Но кроме переструктурирования советского прошлого, современная российская политика памяти движима и двумя другими, во многом противоречащими первой тенденции, импульсами. Во-первых, под лозунгом восстановления «исторической справедливости» уже в начале 90-х годов XX века по российским городам прокатилась тенденция к переименованию и возвращению исторических названий как самих городов, так и отдельных улиц. Возвращение дореволюционных названий, происходившее достаточно сумбурно и выборочно, привело к тому, что в современном городском ландшафте зачастую соседствуют улицы, названные в честь как героев «советского эпоса», так и борцов с революционными тенденциями (особенно показательна в последнем случае фигура П.А. Столыпина). Во-вторых, происходит поиск новых образов прошлого, которые оказались не зафиксированы ни в дореволюционном, ни в советском панте-

оне, но становятся весомыми аргументами в процессе конкуренции отдельных российских регионов за туристическую или инвестиционную привлекательность. Иногда попытки установки соответствующих памятников или создания туристических маршрутов носят откровенно мифологический характер (памятник букве «Ё» в Ульяновске или туристический маршрут к утесу Стеньки Разина в Саратовской области), но при этом их основная функция (репрезентация региона) оказывается достигнута.

Несмотря на тенденцию выстраивания «вертикали власти», политическая иерархичность еще не позволяет сформулировать и реализовать единую политику памяти в современном российском обществе. По-прежнему сохраняется автономия регионов в способах обращения к историческому прошлому и механизмах репрезентаций этих образов, причем зачастую специфика региональной политики памяти обусловлена даже не нуждами или возможностями региона, а личностными особенностями региональных руководителей. Несмотря на то, что патриотизм провозглашается одной из доминирующих стратегий модернизации российского общества, но реальное воплощение этого лозунга наталкивается на неспособность политической элиты сформулировать такую концепцию прошлого, которая соответствовала сразу бы нескольким императивам. Во-первых, выстраивание политики памяти, исходя из реального положения современного российского государства и стоящих перед ним задач перспективного развития. Во-вторых, формирование гордости за достижения своей страны в разных сферах деятельности, что не исключает, однако, понимания неоднозначности отдельных исторических событий и поступков исторических деятелей. В-третьих, готовность к налаживанию диалога с представителями других стран, которые рассматриваются в качестве стратегических партнеров.

При этом анализ форм функционирования политики памяти в современном российском обществе, особенно на уровне регионов, нуждается в проведении комплексных исследований.

Теоретический уровень исследования заключается в концептуализации базовых

моделей использования прошлого в политических, социальных и культурных контекстах, логически вытекающих из современных социально-философских подходов. На теоретическом уровне рабочей гипотезой исследования выступает предположение, что режимы темпоральности (конфигурации соотношения прошлого, настоящего и будущего) российских регионов отличаются высокой степенью вариативности, что не исключает, однако, возможности вычленения общих характеристик, обусловленных постимперским характером всего постсоветского пространства [1, с. 35].

Эмпирический уровень исследования заключается в сборе практического материала, иллюстрирующего способы репрезентации прошлого в условиях отдельных регионов. *Промежуточным уровнем* между теорией и практикой такого исследования является разработка методики анализа памяти, выявление основных пунктов и критериев, по которым может осуществляться сбор данных и сравнительный анализ политики памяти в регионах. Представляется, что объектами изучения должен стать целый ряд вербальных и визуальных текстов:

1. Концепции регионального развития и муниципальные акты, регламентирующие и определяющие историческое позиционирование региона в контексте всероссийских образцов прошлого;

2. Учебники по краеведению и другая краеведческая литература, содержащая ссылки к тем событиям и фигурам, которые представляются наиболее значимыми в региональном аспекте или сохраняют свое символическое значение даже на федеральном уровне.

3. Памятники и памятные места в российских регионах, время их возникновения и символический смысл;

4. Названия поселенных пунктов и их отдельных сегментов (улиц, площадей и т.д.), история изменения названий под лозунгами восстановления «исторической справедливости», возникновение новых названий и символическое значение их выбора;

5. Музейные экспозиции, критерии подбора экспонатов, конфигурация их расположения, история изменения отдельных выставок и социального позиционирования музеев в целом.

6. Коммеморативные практики (туристические маршруты, образовательные экскурсии, исторические реконструкции).

7. Визуальные репрезентации прошлого (рекламные плакаты, листовки, «растяжки», граффити и т.д.).

Проведение комплексных исследований политики памяти на региональном уровне позволит не только выявить различие политических ориентиров и целей отдельных российских регионов, но и создаст условия для целостного видения современной социальной действительности на постсоветском пространстве, сделает возможным системное социально-философское видение тех разрывов между прошлым и настоящим, а также стратегий их преодоления, которые определяют функционирование Российской Федерации как политического и культурного субъекта.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках реализации мероприятия 1.4. ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. «Человеческое существование в условиях социальной модернизации». Соглашение № 14.В37.21.0088.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин, Д.А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве / Д.А. Аникин // Известия

Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2012. – Т. 12. – вып. 2. – С. 34–38.

2. Аникин, Д.А. Топосы социальной памяти в обществе риска / Д.А. Аникин. – М.: Издательство Саратовского государственного университета, 2011. – 156 с.

3. Артог, Ф. Времена мира, история, историческое письмо / Ф. Артог // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 83. – С. 25–38.

4. Гумбрехт, Х.У. «Современная история» в настоящем меняющегося хронотопа / Х.У. Гумбрехт // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 83. – С. 14–24.

5. Дахин, А.В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти: перспектива философской концептуализации *memorystudies* / А. В. Дахин // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 52–55.

6. Дюков, А. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей политики памяти / А. Дюков – Электрон.текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Dyukov-Ni-odno-obschestvo-v-mire-ne-mozhet-obojsis-bez-svoej-politiki-pamyati>

7. Копосов, Н.Е. Память строго режима / Н. Е. Копосов. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.

8. Репина, Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории / Л.П. Репина // Одиссей. Человек в истории. 1996. – М.: Наука, 1997. – С. 25–38.

9. Штомпка, П. Визуальная социология / П. Штомпка. – М.: Логос, 2007. – 180 с.

TRANSFORMATION STRATEGY POLITICS OF MEMORY IN CONTEMPORARY RUSSIA: A REGIONAL PERSPECTIVE

D.A. Anikin

The paper examines the main strategies memory policy in the Russian regions, analyzed the preconditions of their development in the context of Russian social and ideological transformations. By developing a methodology for applied research on the analysis of visual and verbal representations of images of the past in a regional context.

Keywords: *politics of memory, visual and verbal representations, the image of the past, the regime of historicity.*